

**Элис
Маст**

ХАНТЕР

Элис Маст

Хантер

«Издательские решения»

Маст Э.

Хантер / Э. Маст — «Издательские решения»,

Размеренная и спокойная жизнь Кэтрин Макклеин рушится накануне её шестнадцатилетия. Пережив потрясение и осознав, что вся семья убита, в одно мгновение она становится сиротой, вынужденной скрываться под чужим именем, чтобы сохранить себе жизнь. Нью-Йорк — город больших возможностей и город преступного мира. Затеряться в этом мире подростку не составит большого труда. Затеряться и жить только с одной мыслью — отомстить за свою семью.

© Маст Э.

© Издательские решения

Содержание

Книга первая. Одержимость	6
Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Хантер

Элис Маст

Посвящается:
моей маленькой дочери Алекс – благодаря тебе я просыпаюсь
каждое утро, именно ты помогаешь поверить в себя и никогда
не сдаваться.
и В. М. – просто за то, что ты есть.

Все герои и события являются вымышленными.
Все совпадения случайны.

© Элис Маст, 2015

© Анна Меняйленко, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Книга первая. Одержимость

*Я буду любить тебя на расстоянии...
выстрела!*

Пролог

*Никогда не знаешь, что придёт завтра – следующее утро или
следующая жизнь...*

Тибетская пословица

Слегка потёртая голова орла, смотрящего вперёд своими ярко красными рубиновыми глазами, красовалась на трости. Мужчина средних лет аккуратно прислонил её и сел в мягкое кресло дешёвой забегаловки на окраине Бруклина. Его деловой костюм и до блеска отполированная обувь явно не вписывались в интерьер данного заведения.

– Кофе, сэр? – тучная официантка подошла к мужчине.

Он лишь кивнул головой, посмотрел на часы и выглянул в окно. Мрачная осень. Холодно и туманно, а за окном накрапывает дождь на вечерний Нью-Йорк. Через пять минут в заведении вновь открылась дверь, впуская внутрь осенний холодный воздух и промокшего насквозь мужчину. Вошедший снял кепку, огляделся по сторонам и направился к посетителю с тростью.

– Генерал! – поприветствовал мужчину.

– Ты опоздал, садись! – недовольно фыркнул Генерал. – Как я понимаю, ты не просто так вызвал меня? Кто?

Мужчина достал жёлтый конверт из внутреннего кармана пиджака и протянул его сидевшему напротив. Вскрыв конверт, Генерал посмотрел содержимое и тут же убрал всё обратно.

– За что?

– Разве это важно, в данном случае? – мужчина приподнял бровь. – Пять – цифра немаленькая.

– Ты же понимаешь, что это непростой случай? – Генерал сделал ударение на предпоследнее слово.

– Поэтому мне и нужен ваш профессионал!

Генерал ещё раз достал из конверта фотографии.

– Всех? Или кто-то останется?

– Дочь – трудный подросток. Вряд ли она нам помешает. Пусть живёт. Родственников больше нет. Определят в детский дом. Она не опасна, – пожал плечами мужчина.

– Хм. Подростки часто злопамятны! – приподнял бровь Генерал.

Мужчина нервно сглотнул и вытер пот со лба.

– Если всё будет выполнено профессионально, подозрений не должно быть.

– Я расскажу одну историю, – не унимался Генерал, – это произошло в Кении. Группа врачей без границ была отправлена в Кению в самый разгар военных действий между Кенией и Сомали в 60-х. Тогда было множество повстанческих группировок, как на территории Сомали, так и в Эфиопии и Кении. Одна небольшая группировка численностью до ста пятидесяти боевиков под названием «Аль Джимат» взяла в плен несколько врачей, потребовав выкуп, среди них была молодая француженка по имени Сара. Она была очень красива. Каждый боевик хотел забраться под юбку к девчонке, но её никто не трогал. Лидер движения Мухаммед Джамхат хотел взять выкуп, отдать врачей, но девчонку оставить себе. Однажды ночью один из боевиков, восстав против своих, убил соратников и выкрал девчонку из плена. Они бежали

из Кении. Сара потянула боевика за собой и привезла во Францию, уговорив остаться. Вскоре они поженились, и у них родился сын. Счастливая семья жила в мире и любви десять лет. Никто не вспоминал о том, что муж Сары, бывший повстанец, один из лидеров сомалийского движения. Они забыли о том, что случилось в Кении. Но только Мухаммед Джамхат не забывает измены. Его боевики нашли предателя с семьёй. На его глазах десять человек издевались над Сарой и насиловали её на протяжении двух дней, пока она не скончалась. Потом издевались над предателем и убили его на глазах девятилетнего сына. Ребёнка трогать не стали. Отчаявшийся от горя мальчик крикнул убийце, что найдёт и вырвет его чёрное сердце. Джамхат лишь рассмеялся. Через десять лет группировка «Аль Джимат» была вычищена до нуля, было убито более ста двадцати человек, в том числе и лидер – Мухаммед Джамхат, он был найден с вырванным сердцем. Понимаешь, о чём я? Не нужно недооценивать подростков, – закончил свою речь Генерал.

– Но она ещё ребёнок. Она не будет нам помехой. Всё уже решено.

– Подросток – это уже не ребёнок! Ее лучше убрать. Поверь моему опыту! – парировал Генерал. – Если у неё хорошие отношения с отцом, то она явно представляет опасность. Считай, что я сегодня добрый, и она пойдёт бонусом, – рассмеялся Генерал. – Какая разница: одним больше, одним меньше.

– Хорошо! Всех!

Глава 1

Нью-Йорк, 2002 год

Шестнадцать... Трудный возраст. Наверное, самый трудный. Ты ещё не взрослый, но уже и не ребёнок. Подросток. Куча комплексов, непонятные интересы, первый алкоголь, первая сигарета, первые прогулы в школе, неопределённость, первая любовь к парню за соседней партой, который даже и не смотрит в твою сторону. Проблемная кожа, которая не дает покоя, и что бы ты ни делала, ничего не помогает, только становится хуже. Подростковый возраст!

Самое паршивое, что с тобой может случиться, так это подростковый возраст!

Я, Кэтрин Макклейн, дочь богатого бизнесмена, и завтра мне шестнадцать.

От того, что твой отец богат, лучше не становится, как, впрочем, и от того, что тебе шестнадцать. Денег много, настоящих друзей мало. Проблем нет. Всё решается быстро и легко. Жизнь скучна. Живёшь по стандартам и расписанию. Шаг вправо, шаг влево – расстрел. Тебе хочется новых и новых ощущений. Интересы, которые твоя семья не понимает и не принимает. Отсюда пропасть между тобой и семьёй. Они не понимают тебя – ты не понимаешь их.

Я наказана. Наказана за то, что сбежала через окно на вечеринку к однокласснику, за то, что впервые пила алкоголь, за то, что впервые выкурила сигарету, за то, что пошла против воли отца, за то, что пришла под утро, за то, что охрана сбилась с ног в поисках меня. Наказана!

Половину охраны уволили, потому что не уследили за мной. Чувствую себя гадко. Понимаю, что перегнула, что можно было спросить разрешения и пойти. Но это было бы уже не то, не те ощущения, которые я искала. Каждый в своей жизни должен совершить что-то подобное – проступок, за который на следующий день будет стыдно. Стыдно и неприятно.

Я прекрасно понимаю отца. Его гнев оправдан. Он очень любит нас! Очень переживает за нас! Очень заботится о нас! Я не знаю, как должно быть правильно. Возможно, он прав. Я сама очень люблю свою семью: отца, мать и двух старших братьев, которые всегда на моей стороне. Всегда, несмотря ни на что.

Я нахожусь на распутье, когда детство ещё не покинуло меня, а взрослая жизнь тянет меня вперёд с бешеной скоростью. Ты не хочешь взрослеть, хочешь остаться ребёнком ещё чуть-чуть, немного. Но уже не можешь, так как то, что ждёт тебя там, увлекает и завлекает – тебе трудно устоять. Ты сопротивляешься, но понимаешь, что ещё немного, и ты сдашься, потому что это настолько необычно, что устоять невозможно. Пройдёт немного времени – и детство навсегда покинет тебя. И ты уже никогда не будешь прежней. Ты изменишься навсегда. Ты станешь взрослой. Но сейчас я ещё немного хочу побыть здесь, в детстве. Немного. Пока ещё можно. Всего один день. Один день.

Мрачная, холодная осень. С утра сеет мелкий дождь. Мелкий противный дождь. Утренний туман затрудняет движение автомобиля. Патрик, водитель, каждое утро отвозит меня в школу Клипс Бей. Школу для деток элиты. Все сливки общества учатся здесь, поэтому у меня нет друзей. Если бы я училась в обычной школе, то у меня, наверное, было бы много друзей и знакомых. Но здесь нет. Здесь все такие же, как я. Кто-то богаче, – кто-то нет, но суть одна. Мрачное общество наглых, надменных, лицемерных и жалких людишек. Девушки живут по принципу:

«Ой, посмотри, какое я себе платье прикупила от «Gucci».

Просто шик последней моды!

«О, у тебя новый телефон? Да! Его ещё не выпустили, но папочка достал, что не сделаешь для любимой доченьки!»

Ещё бы!

«О, у тебя новая прическа? Тебе идёт. И эта помада, и вообще ты такая классная!»

Да, да конечно.

«Фу, посмотри, что надето на Британи Маелз, это же коллекция прошлого месяца! Какой ужас!»

О, ужас! Просто слов нет. Я, наверное, вообще чучело, – по их мнению.

«Посмотри, Сэм опять сидит один, наверное, Кэрри его бросила?»

– Конечно, он же подарил ей на день рождения золотой браслет! Нет, ну ты представляешь, обычный золотой браслет. Ни одного бриллианта. Я в шоке!»

А я-то как в шоке! Тупые надменные курицы!

Что там?! У парней ещё хуже. Каждый пытается похвастаться своей новой машиной, мотоциклом и количеством девушек, которых он «поимел». На большее их просто не хватает.

Меня тошнит от их лицемерия и фальши. В них нет ничего человеческого, нормального. Общество «моральных уродов» с толстыми кошельками. Общество фальшивых людей!

Я часть этого общества. Общества, в котором мне трудно дышать. Хочется кричать. Но всё равно никто не услышит.

Конечно, я не изгой в данном обществе, и мне есть с кем общаться, но настоящих друзей у меня нет, разве что Мэри. Мэри Питерс. Мы общаемся с ней с первого класса, но близкой дружбой я это не называю, хотя она думает иначе. Мэри из разряда таких людей, которые «и нашим, и вашим», человек, на которого вряд ли можно положиться. Она подведёт тебя при первой опасности. Но, по крайней мере, с ней иногда бывает весело.

– С днём рождения! – чмокнула Мэри меня в щеку.

– У меня день рождения завтра! – я пожала плечами.

– Завтра выходной, насколько я помню, ты родилась почти сразу после полуночи, так что почти сегодня, – она улыбнулась и вручила небольшой свёрток в красочной шуршащей упаковке.

– Посмотришь потом, у меня для тебя есть подарочек получше. Держи!

В руках она держала билеты на концерт популярной рок-группы, которую я обожала. Они приезжали в Нью-Йорк с концертом, на который я хотела попасть, но отец не разрешил мне идти из-за моей последней проделки.

– Мэри, это просто супер! – воскликнула я и почувствовала, как счастье мгновенно переполнило меня.

– И, конечно же, именинный пирог! – засмеялась Мэри, протягивая мне маленький кекс с одной свечкой. – Загадывай желание! – она подожгла свечу.

– Хочу на концерт! – свечка задута, кекс съеден. – Как я попаду на концерт? – вопрос скорее к себе, чем к Мэри.

– Давай, как в прошлый раз: пойдёшь спать раньше, вместо себя положишь вашу... эту, ну как её?

– Луизу!

– Точно, её! Вы с ней одной комплекции. А сама – через окно. Не в первый раз!

– Отец злится на меня. Думаю, что, если я выкину ещё что-то подобное, он запрет меня и не выпустит из дома ни на шаг, – я рассмеялась и подумала, что отец будет в гневе, если я так сделаю. Можно попробовать спросить, хотя бы в честь дня рождения. – Кстати, отмечать день рождения, раньше времени – плохая примета!

– Я тебя умоляю, Кэтрин! Не в нашем случае!

Уроки закончились быстро. Посетив ещё пару дополнительных занятий по иностранному языку, я не заметила, как пролетело время. Я прошла к стоянке, Патрик открыл мне дверь машины, и мы отправились домой. Патрик весело что-то насвистывал. Похоже, настроение у него было отличное.

– Я смотрю, тебе весело? – сказала я с улыбкой.

– О, простите, мисс Кэтрин, я вам мешаю? Просто сегодня звонил мой сын, он очень долго болел и сейчас идёт на поправку, – ответил Патрик с гордостью.

– Поздравляю, сыну привет, – бросила я охраннику, выходя из машины.

Патрик – отличный мальчик, не похожий на всех остальных охранников, с ним всегда можно поболтать, именно поэтому я езжу только с ним. Было уже время ужина, и я сразу отправилась в гостиную. Вся семья в сборе. Во главе стола сидел отец, он редко бывал дома, и меня даже удивило его присутствие. Справа сидела мама, слева – Рик и Брайан. Все уставились на меня. Я медленно прошла и заняла своё место возле мамы, она нежно дотронулась до моей руки и улыбнулась.

– Как прошёл день, милая?

– Неплохо. Мэри вручила подарки на день рождения, – я улыбнулась, – побоялась, что не увидит меня завтра.

– О, как интересно! Что подарила? – спросил Брайан с усмешкой.

– Не твоё дело! – сказала я, показав ему язык. Он в ответ показал свой.

– Успокойтесь! – слегка повышенным голосом сказал отец.

Отец был уравновешенным, целеустремлённым, в меру строгим, в меру добрым. Ничего лишнего. И я его любила, как, впрочем, и каждого, кто находился в этой комнате.

– Дорогие мои, я не просто так сегодня приехал с работы пораньше. У нас возникли некоторые трудности.

Я нахмурилась: отец никогда в жизни ещё не выглядел так взволнованно.

– Дело в том, что недавно наша компания заключила крупный контракт с арабами на поставку нефти в страны третьего мира. На кону очень большие деньги, – отец встал из-за стола и подошёл к окну. – Мне с самого начала не понравились эти арабы. Слишком всё идеально. Ладно. Не в этом суть, – отец резко повернулся, подошёл к комоду и взял лежавший на нём конверт. Брайан смотрел в пол, а Рик уставился на меня.

– Недавно я стал замечать кое-какие странные вещи: мне казалось, что за мной постоянно следят, а телефон прослушивают. Брайан и Рик тоже это заметили. Я уже предупредил компаньонов о своих опасениях. Они поддержали меня, – отец посмотрел на меня с нежностью в глазах. – Кэтрин, я знаю, что у тебя завтра день рождения, но, посоветовавшись с мамой... в общем, мы пришли к выводу, что вам, девочки, нужно уехать во Францию. Ради вашей же безопасности. Рик и Брайан поедут с вами.

– Что? Куда уехать? – я ничего не понимала. – То есть вы хотите сказать, что всё решили без меня?

Отец достал из конверта документы и паспорта. Это вообще ввело меня в ступор.

– Это ещё не всё. У вас новые документы. У всех, – отец сказал так, что я поняла: это не подлежало обсуждению.

– Поверь, котёнок, так будет лучше! – Рик посмотрел на меня с грустью.

– Лучше кому? Не мне, точно! Я не хочу никуда уезжать, тем более менять имя! Да что тут происходит вообще? – я резко встала, но мама твёрдо взяла меня за руку и усадила на место.

– Хватит капризничать, Кэтрин, ты просто невозможна! Такого раньше с тобой никогда не было! Ты всегда поддерживала отца, как никто другой! Что с тобой происходит? – отчеканила она. Я поняла, что передо мной сейчас не просто мама, а решительная и непреклонная Натали Макклейн.

Я покраснела, но гнев не унимался. Я ничего не понимала.

– Когда мы должны уезжать? – я почувствовала, как тошнота подступает к горлу.

– Сегодня, как только соберётесь, вы вылетаете поздно вечером, – отец протянул мне мой новый паспорт. – Теперь ты Энни Ноэль.

Я опять резко встала из-за стола, мама попыталась меня одёрнуть, но я отпрянула от неё, к глазам подступали слёзы гнева и отчаяния.

– Я Кэтрин Мария Макклейн. Я никуда не поеду. Мой дом здесь, со всеми. Я не собираюсь становиться никакой Энни Ноэль, вы все сошли с ума. Я не хочу ехать ни в какую Францию. Почему мы должны уезжать? Почему? – прокричала я сквозь подступившие слёзы.

– Да потому, что меня могут убить, Кэтрин. Я не хочу рисковать вашими жизнями. Вы должны уехать и точка.

– Это какой-то абсурд! У нас полно охраны! Да и кто на такое пойдёт? Нужно позвонить в полицию и предупредить, пусть разбираются. Я не хочу страдать из-за ваших выдумок! Вы все просто бредите! – я не хотела верить ни одному слову отца. Это был просто какой-то кошмар, мне всё это снится.

– Полиции нельзя доверять. Никому нельзя доверять. Кэтрин, если бы подозрения отца были обосновательными, мы бы сейчас не спорили, – Брайан встал из-за стола, подошёл к тому месту, где лежали паспорта, и стал перебирать их.

– Я больше ничего не хочу слушать! Я никуда не поеду! – выкрикнула я и помчалась в свою комнату.

Упав на кровать, я заплакала. Я не хочу. Не хочу! Я Кэтрин Макклейн. У меня завтра день рождения. Мне шестнадцать. Я всего лишь подросток, я не хочу ничего понимать. Я не хочу, чтобы меня втягивали в эту ситуацию. Отец преувеличивает. Я думаю, что всё наладится там с его арабами. Боже, какой абсурд! Убить?! Да кто посмеет убить крупного бизнесмена? Это выше моего понимания. Полный бред!

Тихий стук в дверь отвлек меня.

– Детка, открой, это мама.

Шмыгнув носом, я встала с кровати и открыла дверь. Мама нежно вытерла слезу с моей щеки и обняла:

– Детка, я всё понимаю, у тебя сейчас такой возраст. Ты всё воспринимаешь в штыки. Но ты должна понять папу, он переживает за нас. Мы самое дорогое, что у него есть. Самое дорогое! Ты поймёшь это. Я надеюсь. Ты очень умная девочка, я понимаю, что тебе сейчас сложно вникнуть во всё это, но так нужно. Нужно для папы, для меня. Для всех нас. Нам необходимо уехать.

– Мама, но зачем нам нужно менять имена, почему нельзя просто уехать? – Я отстранилась от мамы, – я не хочу ничего менять.

– Отец боится, что мы тоже можем пострадать, это всё ради нашей безопасности. Пойми.

– Мне сложно всё это принять. Я ещё ребёнок. Мне всего шестнадцать, мам! Завтра мне шестнадцать лет! Я хочу быть с семьёй в этот важный день, понимаешь? – я отвернулась к окну и глубоко вздохнула.

– Детка, я поговорю с папой и постараюсь наш отъезд перенести на завтра, хорошо? – мама ещё раз обняла меня за плечи, – и я сдалась.

– Хорошо, так лучше.

– Подумай об этом и поставь себя на место отца. Он всё делает ради нас. А теперь отдыхай, у нас выдался слишком напряжённый вечер.

Она поцеловала меня в макушку и вышла, закрыв за собой дверь, оставив меня наедине с мыслями и рассуждениями.

Наверное, нужно пойти и извиниться перед отцом. Я вела себя грубо и безответственно. Теперь я понимаю, что я была отчасти не права. Нужно было спокойно выслушать и принять, всё как есть. Отец не из таких людей, которые что-то меняют. Если он принял решение, то уже не изменит его. Я это всё понимала, но не хотела принимать. Я хотела спокойно отпраздновать день рождения, получить поздравления и подарки. Но, увы, этот день рождения не будет таковым.

Я подошла к письменному столу и взяла рамку со своей фотографией. На меня смотрела тринадцатилетняя девочка, отдалённо похожая на меня. Я давно хотела поменять фотографию

и вставить более свежую, но не любила фотографироваться. У меня вообще было очень мало фотографий. Я даже и не помню, когда последний раз фотографировалась.

Резко поставив фото на место, я направилась в гостиную. Я была решительно настроена извиниться перед своей семьёй. Комната была пустой. Ужин явно не удался. Я прошла по коридору в кабинет отца, но и там никого не было. Я оглянулась по сторонам. На стенах висели портреты всех членов семьи. В центре висел большой семейный портрет. Его нарисовали, когда мне исполнился год, а братьям десять. Больше у нас не было совместного портрета. По сторонам висели портреты каждого члена семьи, портреты, написанные недавно, кроме моего. Мама давно говорила, что нужно обновить мой портрет. Но из-за проблем с лицом и переходным возрастом я всё оттягивала этот момент. На другой стене висели фото. Были и совместные, и по отдельности. Но на всех мне было не больше десяти лет. Я прошла к столу отца, на столе стояли рамки с фото. Я посмотрела на них в надежде, что там я найду себя в своём возрасте, но увы... Мне стало очень грустно, потому что я поняла, как сильно отец будет скучать по всем, а у него даже нет моего фото. Фото меня такой, какая я есть. Всё решено. С завтрашнего дня буду чаще фотографироваться и присылать отцу. Его это порадует. Не хочу быть плохой дочерью. Я и так наделала много глупостей своими бессмысленными выходками. Завтра обязательно попрошу у родителей прощения и пообещаю вести себя хорошо. Но всё это будет завтра. Всё завтра.

А пока у меня есть мой день. Один день. И меня ждёт КОНЦЕРТ!

Маме всё-таки удалось уговорить отца перенести наш отъезд на завтра. Я была просто на седьмом небе от счастья. Луиза, наша горничная, упаковала почти всё мои вещи в два чемодана. Всё самое необходимое: пару джинсов, маек, бельё, носки, одну кофту и толстовку – мы уложили в рюкзак на случай, если нужно будет быстро переодеться. Положили кое-какие ванн-ные принадлежности и так, всякие мелочи. Ноутбук я решила пока не запаковывать. Сделаю это завтра: вдруг он мне ещё понадобится. Новые документы я не взяла, они так и остались лежать на столе в кабинете у отца. Документы взял только Брайан. Ему вообще вся эта затея понравилась, как мне кажется. Мама пару раз заглядывала ко мне узнать, как идут дела со сборами и лишний раз убедиться в том, что со мной всё в порядке. Хотя со мной было явно не всё в порядке, виду я не подавала. Меня бросало то в жар, то в холод. Я с нетерпением ждала, когда все отправятся спать, смотрела на часы каждую секунду. Было ощущение, что они стоят. Мэри звонила раз пятнадцать узнать, идем ли мы на концерт и не изменились ли наши планы. Меня даже стали раздражать её звонки. Она просто невыносима.

Свой побег мы назначили на десять вечера, концерт начинался в одиннадцать. Я как раз успевала добраться на такси.

В положенный час я закрыла дверь на ключ, приказала Луизе ложиться в постель. Луиза идеально могла подменить меня. Она была такой же комплекции, как и я. Одинаковый рост, вес и цвет волос. Бедняжка тряслась не меньше моего: в прошлый раз ей тоже влетело по полной программе, и сейчас она долго и упорно сопротивлялась. Но сто баксов сделали своё дело, и Луиза сдалась. Я знала, что у мамы есть ключи, и если она захочет, то может войти, но я надеялась, что её визитов в мою комнату на сегодняшний день было достаточно. На всякий случай я наказала Луизе укрыться с головой: может быть, на этот раз пронесёт.

На улице шёл противный дождь, который даже и не собирался прекращаться. Он не вызывал хорошего настроения, и я на долю секунды засомневалась в своём решении. Но только на долю секунды. Надев тёплую куртку, я взяла билеты, сотовый и вылезла через окно. Я уже знала как пройти незамеченной, и смело пробралась через забор, напрямик к тому месту, где меня ждало такси.

Таксист долго не соглашался везти меня, говоря о том, что я ещё ребёнок. Но очередные сто баксов сверху отменили все сомнения, и мы, наконец, тронулись с места. Дождь затруднял движение, и мы ползли со скоростью улитки. Меня это раздражало, так как мне не терпелось

быстрее попасть на концерт. Со времени последнего звонка Мэри прошло минут двадцать, она должна была уже тоже быть в пути и позвонить мне, но телефон молчал. Я решила сама набрать ей. В этот момент навстречу нам с бешеной скоростью промчался чёрный мотоцикл. Таксист даже присвистнул, посмотрев в его сторону. Я невольно обернулась, чтобы разглядеть хорошенько мотоцикл и номер. Но вместо номера был средний палец, показывающий «Fuck you». Не смешно. Особенно не смешно копам, которые, по всей видимости, за ним гнались, иначе как бы ему оказаться в нашем районе. Я никогда не видела его здесь. От чёрного мотоцикла меня отвлек голос девушки из трубки, говорящий: «Абонент выключен или недоступен». Я закрыла телефон, подумав, что, возможно, Мэри специально выключила сотовый, чтобы незаметно ускользнуть из дома.

Дождь всё не прекращался, и мы кое-как добрались до условленного места. Расплатившись с таксистом, я побежала внутрь концертного здания. Уже был слышен шум и гам, звучала музыка. Моё сердце наполнилось радостью от предстоящего шоу, о котором я так давно мечтала. На входе меня встретили охранники и попросили билет. Я отдала им билет, осматриваясь по сторонам в поисках Мэри. Она должна была ждать меня у входа. Её нигде не было.

– Простите, мисс, ваш билет недействителен.

– Что?!? – эйфория счастья тут же улетучилась, и меня обдало жаром, я почувствовала, как к щекам подступает румянец, – этого не может быть, посмотрите ещё раз.

– Мисс, если вы покупали билеты через перекупщиков, то даже и проверять не нужно. Билеты фальшивые. Вы не первая, кто сегодня был обманут мошенниками. Сожалею, – охранник встал посреди двери, загораживая вход в зал.

Я была в шоке! Мысли обгоняли друг друга. Ну, Мэри, спасибо за подарочек. Вот так подстава. Да ещё и сама не пришла. Наверняка знала. Захотела пошутить?! Ну, ничего, я тебе устрою, Мэри Питерс! ААА! Чёрт! Ещё этот проклятый дождь, от которого я замёрзла и промокла вся до нитки!

Ничего не оставалось, как поймать такси и вернуться домой. Простояв под дождём, примерно минут тридцать, я всё-таки села в такси. Водитель ехал медленно из-за дождя и не задавал лишних вопросов по поводу того, что делает подросток в полночь в центре Нью-Йорка.

Мы остановились у светофора, и я взглянула на часы. 00:04.

– С днём рождения, Кэтрин! – я глубоко вздохнула и посмотрела в окно. В этот момент мимо пронёсся знакомый мне мотоцикл, я машинально обернулась, средний палец на номере махал мне вслед. Похоже, парень всё никак не навеселится.

Наконец добравшись до дома, я быстро прошмыгнула вдоль забора и пробралась в приусадебный парк.

Дом был в полнейшей темноте. Не было ни звука, и лишь только шум дождя нарушал тишину. Очень странно. Мурашки пробежали по коже, а внизу живота появилось некое беспокойство. Может быть, они узнали, что я сбежала, и теперь ждут меня, чтобы наказать, или узнали, что я сбежала, и решили не наказывать и устроить сюрприз в честь дня рождения. Нет. Не думаю. Почему нигде нет охраны? Всё это очень странно. Может быть, отключили свет из-за дождя, что тоже довольно странно: грозы ведь не было. Я стояла посреди парка, возле дома, оглядываясь по сторонам. Дом, наш большой дом, выглядел устрашающим в крошечной темноте. Я медленно направилась в сторону своей комнаты, поднялась по лестнице и залезла в окно. Слабый свет шёл от ноутбука. Я подошла и посмотрела на индикатор батареи: 65 процентов, видимо, свет отключили не так давно. На рабочем столе я увидела раскрытое сообщение по ICQ от Мэри Питерс, присланное мне в 23:17. Она писала:

«Кэт, прости, меня поймала мать в тот момент, когда я вылезала через окно. Меня наказали, отобрали телефон и ноутбук. Выпросила у брата комп, чтобы написать тебе. Ещё раз прости. Уверена, ты сбежала без проблем, оставив за себя Луизу. (Смайлик). Повеселись там на славу. Надеюсь, концерт будет СУПЕР! Когда вернёшься, напиши, как всё прошло.

Р. С.: С днём рождения!»

– Луиза, ты представляешь, эту дурёху поймали, – я рассмеялась и повернулась к кровати. Луиза не шевелилась, а голова была спрятана под одеялом. – Ты что, спишь? Вставай, соня.

Резкий свет озарил всю комнату и весь дом.

Я подошла к кровати и сдёрнула одеяло с головы девушки. Ужас охватил меня, а сердце забилося с бешеной скоростью. Меня окатило холодом и жаром. На лбу проступила испарина. Я приложила руку ко рту, попыталась издать хоть какой-то звук, но дар речи пропал. В моей кровати лежала Луиза, её лицо было окровавлено, а изо лба по всей подушке растекалась кровь. От увиденного я почувствовала, что комната поплыла у меня перед глазами, я машинально прислонилась к стенке, не видя ничего перед собой, кроме этого огромного красного пятна. Чувство реальности пропало. Во рту пересохло. Руки тряслись. На глазах проступали слёзы. Я ещё раз посмотрела на кровать и зажмурила глаза. Я сплю. Господи, я сплю! Это просто сон! Кошмар! Я открыла глаза, но картина не изменилась. Я попыталась встать, но ноги были ватными. Ничего не соображая, я вышла из комнаты. Ноги сами несли меня в спальню Брайана. Открыв дверь, я увидела такую же картину. Брайан лежал на кровати с дыркой во лбу. Ощущение реальности постепенно стало возвращаться. Слова, сказанные отцом сегодня вечером, как удар молнии, вспыхнули в моей памяти:

«Дело в том, что недавно наша компания заключила крупный контракт с арабами на поставку нефти в страны третьего мира. На кону очень большие деньги».

Я ускорила шаг в направлении комнаты Рика.

Он сидел за своим рабочим столом, его голова лежала на клавиатуре, а по монитору стекали капельки крови.

Паника начинала овладевать мною.

«Мне с самого начала не понравились эти арабы. Слишком всё идеально». Слова отца всё громче и громче эхом отдавались в моей голове.

Я быстро побежала к комнате родителей. Она была пуста. Сердце бешено колотилось, руки вспотели. Я слышала, с какой силой бьётся моё сердце. Казалось, что оно вот-вот выпрыгнет из груди.

«Мы пришли к выводу, что вам, девочки, нужно уехать во Францию. Ради вашей же безопасности».

Я бежала с такой скоростью в кабинет отца, с какой никогда раньше не бегала.

«Да потому, что меня могут убить, Кэтрин. Я не хочу рисковать вашими жизнями».

Открыв дверь, я широко раскрыла глаза, мои ноги подогнулись, и я упала на колени. Моя мать лежала в уголке, на диване, глядя в бесконечность. Её глаза были открыты, и в них ещё читался страх. Отец сидел на стуле за своим столом. Из виска капала кровь и стекала по белоснежной рубашке.

– НЕТ! НЕЕЕТ! НЕЕЕЕЕЕТ!

Я с трудом узнала свой голос.

– НЕТ! Мама?! Папа?!

Я стала метаться по комнате, не зная, что делать, ничего не соображая. Внутри был Страх. Отчаянье. Пустота. Холод. Жар. Я начала дико кричать и крушить всё на своём пути, повторяя лишь одно: «За что?». Я бросала стулья, швыряла бумагу, документы, рамки, компьютер со стола. Я не отвечала за свои действия. Даже не помню, сколько времени это продолжалось. А потом силы покинули меня, я замерла и посмотрела на отца.

Сквозь шум дождя я услышала, как вдалеке завывали сирены. Полиция! Я опустилась на колени перед отцом. Осмотрев его, я увидела, что из кармана рубашки торчал листок бумаги. Вытерев слёзы, я аккуратно достала листок и прочитала:

«Я, Филипп Макклейн, убил своих детей, жену и покончил жизнь самоубийством. Прошу никого в этом не винить».

И кровавая подпись отца. Я не верила своим глазам. Отец не мог этого сделать. Я резко встала и отошла назад. Отец сидел на стуле с опущенной головой, а в правой руке у него лежал пистолет.

Он не мог! Звук сирены усиливался. Я посмотрела на левую руку отца, она была сжата в кулак, из которого торчал клочок бумаги. Я осторожно достала листок. На оторванном клочке бумаги были написаны неровным почерком отца лишь два слова: *«Кэти, беги!»*

«Полиции нельзя доверять. Никому нельзя доверять».

Слова Брайана всплыли в моей памяти. Дальше всё как в тумане. Я судорожно стала рыться в разбросанных бумагах в поисках желтого конверта. Адреналин зашкаливал. Меня трясло. Вот он! Взяв конверт дрожащими руками, я заглянула в него и обнаружила там то, что искала. Подбежав к стене, открыла сейф. Я засунула под майку столько денег, сколько смогла, и побежала вверх по лестнице в свою комнату. Стараясь не смотреть на кровать, я схватила рюкзак, вытряхнула деньги из майки в рюкзак, засунула конверт, схватила телефон и вылезла в окно. Я не знаю, куда я бежала. Но я бежала. Бежала, задыхаясь от слёз. Картины убитых родных одна за другой вспыхивали перед глазами. Дождь безжалостно хлестал по лицу, смывая слёзы. Я свернула к парку. Дойдя до пруда, я забралась под небольшой мостик. Здесь можно было укрыться от дождя. Сев на холодный бетон, я дала волю чувствам. Я рыдала так, как, наверное, не рыдал никто в своей жизни. В один момент я лишилась всех, кого любила больше всего на свете. Отец, мать, братья – люди, которые были смыслом всей моей жизни.

Я прислонилась к холодному бетону головой. Голова кружилась и гудела. А к горлу подступала тошнота. Я медленно погружалась во тьму...

Глава 2

Нью-Йорк, 2002 год

Холодный ветер сквозняком обдул меня, заставив съёжиться на холодном бетоне. Я резко подскочила, долго приходила в себя, пытаюсь понять, где я нахожусь. Вдалеке послышалось щебетание птиц и шарканье метёлок по мокрому асфальту. Я всё ещё под мостом.

Я села на бетон, обхватив колени руками. Жутко холодно. В горле стоял ком, во рту пересохло, а глаза опухли от слёз. Глаза снова наполнились слезами, которые непроизвольно потекли по моим холодным щекам. Я не могла поверить в случившееся. Не могла дать разумное объяснение своему побегу. Я не могла думать. Моей семьи больше нет. Их нет. Они все мертвы. Их всех убили. Я в этом уверена. Их убили. Отец не мог этого сделать. Он знал, что его хотят убить. А я просто не поверила ему. Называла их сумасшедшими, сопротивлялась. Если бы не я, все были бы живы. Все! Мы бы сейчас были во Франции. Живые! Это я во всём виновата. И только я! Если бы не мой каприз и не мой протест против отъезда, всё было бы по-другому. Мне нет оправдания. Мне нет прощения. Я не хочу жить. Почему я осталась?! Зачем?!

– ЗАЧЕМ?! – сама не замечая, я прокричала это вслух. Птицы резко взлетели с деревьев вверх, рассекая утренний туман. Слёзы перестали капать, и, стерев со щеки последнюю слезу, я потрогала свою одежду.

Одежда слегка подсохла, но была ещё мокрой. Я вытряхнула содержимое рюкзака. Деньги, жёлтый конверт, вещи, телефон, ванные принадлежности и куча всякой мелкой ненужной ерунды. Сняла с себя мокрую одежду и надела сухую. Запасной обуви у меня не было, пришлось обуть сырые кеды. Вместо куртки надела тёплую толстовку. Все действия были как на автопилоте. Мокрую одежду отбросила в сторону и сложила остальные вещи и деньги в рюкзак. По моим подсчётам, у меня было не меньше семидесяти тысяч. Пришла очередь жёлтого конверта.

В нём лежали паспорта, загранпаспорта, водительские права и кое-какие документы. Я взяла свой паспорт, права, загранпаспорт на своё имя. По новым документам я теперь Энни Ноэль, уроженка Франции, гражданка США, 27 сентября 1986 года рождения. Я взглянула на свои часы: 27 октября 2002 год 6:30 утра.

– Ну что же, с днём рождения, Энни Ноэль!

Надев рюкзак на плечи, я вышла в парк. Туман потихоньку рассеивался. Дворники собирали листву и жгли её в баках. Листья, промокшие от дождя, еле тлели. Попросив у дворника зажигалку, я подошла к жёлтому конверту со всем содержимым и выбросила в бак. Теперь от моей семьи не осталось ничего. Я ещё долго смотрела на огонь. Внутри была пустота. Натянув капюшон, я пошла прочь из парка.

Мысли в голове путались. Что? Как? Куда? Куда идти? Зачем? В чём смысл? Зачем жить? Я одна. У меня никого нет. Никому верить нельзя. Я шагала по улице, не замечая луж, людей, открывающихся магазинов, проезжающего транспорта. Проходя мимо газетного киоска, я резко остановилась. Крупные буквы «Нью-Йорк Таймс» гласили:

«Крупный бизнесмен покончил жизнь самоубийством».

А далее текст: *«Сегодня ночью крупный бизнесмен, основатель „Макклейн Корпорейшин“ Филипп Макклейн был найден убитым в своём собственном доме. Бизнесмен застрелил всех членов своей семьи: троих детей, жену – и после этого покончил жизнь самоубийством, оставив предсмертную записку. Супруги Стоун, живущие по соседству, услышали шум в районе двенадцати часов ночи в доме Макклейнов и вызвали полицию. К сожалению, полиция приехала поздно. Как сообщает детектив Форт, Филипп Макклейн в 23:00 отпустил охрану, сославшись на то, что не видит причин для беспокойства. После ухода охраны из дома Филипп убил*

детей и жену. По всей вероятности, Натали Макклейн боролась с супругом, но следов насилия на теле убитой не обнаружено. Видимо, этот шум и слышали соседи, вызвавшие полицию. Детали преступления в интересах следствия не разглашаются. По опросам соседей, семья Макклейн казалась всегда образцовой, была спокойной, уважаемой. Никто не мог и предположить, что Филипп Макклейн мог пойти на убийство. Однако факты налицо и...»

Дальше читать я не хотела. Мутило. Вокруг сплошная ложь. И, по всей вероятности, шум, который слышали соседи, – это была я, когда всё крушила в кабинете отца. Господи, за что мне это? За что?

Что мне теперь делать? Как быть? Я числюсь среди убитых. Мои похороны пройдут послезавтра на Нью-Йоркском кладбище. Для всех я умерла вместе с семьёй. Отец не зря написал мне записку. Он знал, что меня нет дома. Знал, что я могу спастись, поэтому написал. Даже перед лицом смерти он защищал меня. А я предала его. Как же я хочу вернуть всё назад. На один день назад. Всё было бы иначе. Всего один день.

Слёзы вновь хлынули из глаз. Но я нашла в себе силы, вытерла лицо и, натянув капюшон, пошла. Я шла, куда глаза глядят. Бесцельно. Просто шла в пустоту. Я перешла через бруклинский мост с нижнего Манхэттена до Бруклина. Я никогда не была в этом районе. Ноги болели и гудели, время подходило к обеду. Недалеко от моста были смотровые площадки. В стороне продавали хот-доги, но кусок мне сейчас даже в горло не полезет. Я купила баночку содовой и присела на скамейку, глядя на нижний Манхэттен. Зачем я сюда пришла?

Мне нужно что-то делать. Но только что? К кому пойти? Во Франции у меня есть прабабушка. Но я не уверена, вспомнит ли она меня, и вообще жива ли она. Я не видела её уже лет десять. Больше, насколько мне известно, у меня нет родственников. У меня нет ни дедушек, ни бабушек. Мою мать воспитывала бабушка-француженка, а родители отца вместе с его братом погибли в автокатастрофе, когда меня ещё не было. У родителей не было ни братьев, ни сестер.

Я одна, совершенно одна. И Боже, мне всего шестнадцать. Ещё вчера я чувствовала себя слабым, незащищённым, капризным ребёнком, а сегодня я уже была старше своих лет, лет на десять. От детства не осталось и следа. Все тонкости подросткового возраста исчезли в одночасье. Меня это больше не беспокоило. Нужно было думать, чётко принимать решение: я взрослый человек. Любая оплошность может стоить мне жизни.

– Арчи думает, что их заказали, – слегка охрипшим голосом сказал темнокожий подросток.

– Да всех их надо перестрелять. Слишком много денег, вот они с жиру и бесятся. Не думаю, что это заказ, просто мужику жить надоело, вот он и перестрелял всех и себя заодно.

Мимо меня прошла парочка темнокожих парнишек, на вид им было лет по четырнадцать, не больше. Я быстро поднялась и последовала за ними. Их разговор меня заинтересовал.

– Он же написал записку, что сам. Нет, однозначно, это не заказ, – настаивал второй мальчишка.

– Арчи говорит, что работал профессионал. А если Арчи так говорит, значит так и есть.

– Да-а, профессионал, скажешь тоже.

– Арчи говорил, что такие есть, но их очень мало. Они, как привидения, появляются из ниоткуда и так же исчезают в никуда.

Я старалась не отставать, чтобы не упустить ни единого звука.

– Кто они?

– Профессиональные киллеры! Мастера своего дела. Настоящих профессионалов мало. Но они есть. Так говорит Арчи, а он в нашем латинском квартале, авторитетная личность, врать не будет!

Я остановилась как вкопанная. Теперь мне стало всё понятно. Мою семью заказали арабы. Работал профессионал. Всё должно было быть правдоподобным. Естественным. Замешаны большие деньги. Им проще было убить отца. Интересно, сколько стоит моя жизнь?

Во сколько меня оценили? И сколько вообще стоит человеческая жизнь? Сколько стоит человеку убить человека?

Меня дико затошнило. Тошнота подступила к горлу, и мне ничего не оставалось, как проблеваться в реку, она стерпит.

Парни пропали из виду, и я опять села на скамейку. Мне нужно срочно найти Арчи, кем бы он ни был.

Нью-Йорк – это город, который никогда не спит. Никогда. За деньги в Нью-Йорке можно купить абсолютно всё. Проститутки. Мальчики. Девочки. Алкоголь. Сигареты. Наркотики. Оружие. Информация. Мне нужна была информация. Пара сотен баксов привели меня в отдаленный район Бруклина, в Latinoамериканский квартал. Я стояла на задворках полуразваленного дома. Тот самый Арчи, которого я искала, оказался латинос под метр восемьдесят, с татуированными руками, за ремнём его потёртых джинс торчал револьвер, за который он хватался при малейшем шорохе. Противный, страшный, неопрятный латинос, вокруг которого куча таких же противных латиносов.

– Ты кто такая?

И голос у него тоже был противным. Мне казалось, что сердце сейчас выпрыгнет у меня из груди и убежит со скоростью света назад в Манхеттен.

Он вынул револьвер и направил его на меня. Моё сердце уже бежало по Бруклинскому мосту, даже не оборачиваясь. Дар речи пропал. Страх сковал тело. Я попробовала что-то сказать, но язык не шевелился.

– Что? Ты чего там пикнула? – прищурился он и потряс своим револьвером перед моим лицом. – Зачем ты меня искала? – он продолжал трясти оружием, и меня это начало раздражать. – Тебя кто послал?

Выносить происходящее, тем более направленный на меня револьвер, я больше не могла. Включился инстинкт самосохранения. Правой рукой я оттолкнула револьвер от лица.

– Ты меня уже достал! Если тебе нечем больше трясти, то и револьвер тебе не поможет. – Сторожевые пёсики-латиносы как по шелчку привстали и подошли ближе, моему страху не было предела, поджилки тряслись, но я и виду не подала. – Мне нужна информация, – я достала из кармана пару сотен. – Мне нужен профессиональный киллер.

Он резко схватил меня за локоть и оттащил в сторону от своих псов.

– В паре кварталов отсюда есть забегаловка под названием «Блеск», жди меня там, – сказал он мне на ухо и толкнул так, что я упала.

– Проваливай отсюда, малолетка, – процедил он сквозь зубы, засмеялся и пошёл к своим «псам». – Насмотрятся мультиков, а потом ищут приключений. Покоя от вас нет.

Я быстро встала и пошла прочь. В голове была куча мыслей. Почему он так сделал? Почему сразу не сказал мне все, что я хотела? И почему он не хотел, чтобы его «псы» нас услышали? Тогда я не понимала, во что я ввязываюсь и насколько это опасно. Я об этом даже не думала. Мне было важно получить хоть какой-то ответ на мой вопрос. Я совершенно не понимала, что может дать мне та информация, которую мне скажет латинос, и пригодится ли она мне. Все было неважно. Важно то, что я шла в правильном направлении. А там по ходу разберусь. Найдя кафе под названием «Блеск», которое на вид вряд ли можно было так назвать, я прошла внутрь и села в дальний угол, ожидая своего «друга-латиноса».

Через час он появился, осторожно присел за мой столик. Он был одет уже не так ярко, как при нашей первой встрече: чёрная куртка, чёрные джинсы, кепка. Я бы даже подумала, что он нормальный парень, без своих латинских выходов.

– Ты одна? – и голос у него стал нормальным. Серьёзный мужской голос, не писклявый голос латиноса-урода.

– Да, одна, – сердце кровью облилось от этой фразы. Я достала пять сотен и протянула ему. – Кто такие профессиональные киллеры? Кто они? Как их найти? Чем живут, питаются, дышат? Я хочу знать абсолютно всё!

Он заулыбался и спросил, убирая деньги в карман.

– Что, парень не пришёл на свидание, решила ему отомстить?

– Не твоё дело!

– Ладно, кроме шуток, – лицо его стало серьёзным. – Проваливай отсюда, пока не поздно. И никогда не появляйся. Забудь про меня и про профессионала! – он резко встал и прошагал к выходу.

Вот гад! И как мне это понимать? Я побежала за ним. На улице уже похолодало и начало смеркаться. Он сел в свою развалюху машину и завёл мотор. Я встала на его пути, не давая проехать. Он пару раз просигналил мне, чтобы я отошла. Но я не сдвинулась с места с твёрдым намерением стоять до последнего. Он вышел из машины и закричал на меня.

– Проваливай!

– Мне больше не к кому обратиться. Я знаю только тебя. Я слышала, как двое ребят сегодня в парке называли твоё имя и говорили, что ты много знаешь, что ты знаешь про наёмных киллеров. Я больше не знаю никого. Мне некуда идти. Пожалуйста, помоги мне. Я умоляю тебя! – к концу я чуть не разрыдалась, слёзы непроизвольно выступили на глазах. Нужно поработать над этим. Хватит распускать нюни. Я больше не маленькая девочка, и мои сопли никому не нужны. Я поработаю над этим, но определённо не сегодня.

Латинос посмотрел на меня, и спросил:

– На кого ты работаешь? ФБР?

– Если бы я работала на ФБР, то вас бы всех давно повязали, поэтому не сочиняй! Я не работаю на спецслужбы. Мне просто нужен профессионал!

Он оглянулся по сторонам, взял меня за локоть и втолкнул в машину. За это время мне ни разу даже не стало страшно. Интересно, куда подевался страх? Наверное, поскакал вслед за сердцем в Манхеттен. Туда ему и дорога.

Мы медленно ехали по узеньким маленьким улочкам. В машине пахло непонятной смесью ментола, сигарет, марихуаны... и ещё куча непонятных запахов, от которых у меня начала кружиться голова, я приоткрыла окно и с жадностью стала хватать свежий воздух.

– Профессионалы – это люди – призраки. Никто не знает, кто они и где они. Но все знают, что они есть. Их мастерство настолько отточено, что просто не придраться. Всё идеально. Они идеальны. Их мало. Но они есть. Конечно, есть просто наёмные киллеры. Они дешевле и проще. Они получают лишь мелкие заказы. Генерал Кообс держит почти всех под своим крылом. Ни один заказ не проходит мимо него. Но есть те, которые никому не подчиняются. Они сами себе хозяева. Они ценятся дороже, и их работа намного качественнее. Но их вообще единицы. Иногда, когда требуется «ювелирная работа», на арену выходят ОНИ. Всегда работают через посредников и информаторов. Их мало кто знает и видел. Их работа стоит миллионы. Поэтому мой тебе совет: выбрось всю эту дурь из головы и иди домой, наверняка, родители уже волнуются.

– У меня нет родителей. Я сирота, – я повернулась и посмотрела ему в глаза. Всё, что я сейчас поняла, так это то, что я хочу стать призраком. Тем самым профессионалом – призраком. Это как одержимость, навязчивая идея, которая возникла и засела в моих мозгах навсегда. Я знала точно. Я от этого уже никуда не уйду. Мне нужно именно это. Смысл всей моей последующей жизни. Одержимость мести. Мести за родителей. Это мой долг. Долг перед людьми, которых я предала. Я должна найти виновных и отомстить. Найти тех, кто заказал. Отомстить за тех, кого любила, за тех, кто отдал свою жизнь за меня.

– Как стать профессионалом?

Латинос засмеялся и остановил машину.

– Давай проваливай, ты чокнутая! Я итак слишком много тебе сказал, чего не следовало. Давай, вали, я сказал.

Я выскочила из машины, а он уехал, повернув на другую улицу. Он мне больше не был нужен. Он сказал всё, что я хотела услышать.

Мне кажется, я совершенно не отдавала отчёта своим действиям. Или скорее не понимала, в какую игру я ввязываюсь. Мне бы пойти в полицию и рассказать, кто я есть на самом деле. Меня отправят во Францию к бабушке (благо, французский я знала), где я проведу безмятежную юность, окончу школу, поступлю в университет, выйду замуж, нарожаю детей и буду жить долго и счастливо, изредка вспоминая события этой страшной ночи. Всё бы это было, но не со мной. Я не такая безвольная и бесхребетная. Я Макклеин. А мы Макклеины идём до конца.

Сейчас я хотела только одного: найти некоего Генерала Кообса. Зачем? Я не знаю. Но возможно, именно он поможет мне разобраться во всей этой ситуации. Я ни в коем случае не должна говорить, кто я есть на самом деле. И чем дольше я это буду скрывать, тем выгоднее это для меня.

Латинос Арчи сказал, что почти все наёмники ходят под Генералом. И если я захотела стать «такой», то мне тоже нужен Генерал.

Я потратила почти день, полночи и две тысячи баксов, чтобы добраться до него. Информаторы неохотно распространялись, явно опасаясь за свою шкуру, но как бы то ни было, деньги нужны всем. Я нашла его в нижней части Манхеттена, в ночном клубе. Так как мне не было 21 года, меня в него, конечно, не пускали. Пришлось отвалить шесть сотен охраннику, чтобы он впустил меня через чёрный ход и показал мне человека, которого я искала. Мужчина в возрасте, в окружении очередных сторожевых псов сидел на месте для почётных клиентов и очень бурно что-то обсуждал с другим мужчиной. Лица я не разглядела, он был ко мне спиной. Да и мне было всё равно, мне нужен был лишь Генерал. Они быстро распрощались, и Генерал со всей своей сторожевой «братвой» отправился в сторону запасного выхода. Мне ничего не оставалось, как последовать за ними. Я выбежала на улицу как раз в тот момент, когда они все садились в машину. Ледяной дождь градом обрушился мне в лицо.

– Генерал Кообс! – я закричала охрипшим голосом. Страх быстрыми шагами начал подкрадываться к моему сознанию. Генерал вышел из машины, всматриваясь в темноте в моё лицо. Один из сторожевых псов схватил меня под локоть с такой силой, что я невольно ахнула и сморщилась. Он подвёл меня к Генералу. Передо мной стоял высокий седоватый мужчина лет шестидесяти, может быть, старше. В правой руке он держал трость с головой орла. Но он не хромал. Скорее, носил её в качестве украшения.

– Мы знакомы? – он приподнял бровь и начал рассматривать меня с ног до головы.

– Нет. Но я вас знаю, – еле промямлила я. Язык не хотел двигаться. А тело предательски обмякло от страха. Он вопросительно смотрел на меня. Сердце билось, как птичка в клетке. Я точно не понимала, что говорю. – Я хочу, чтобы вы взяли меня к себе. Я хочу стать профессионалом.

Генерал рассмеялся так сильно, что его смех заглушал шум дождя. Он посмотрел на меня, потом на своих «псов» и снова засмеялся, велел отпустить меня.

– Откуда ты узнала про меня? – спросил он, уже более серьёзным и грубым голосом.

– Арчи, парень из латинского квартала, рассказал про вас. И про «призраков», – добавила я еле слышно.

Сзади послышались чьи-то шаги.

– Боб, представляешь, она хочет стать «призраком»! – рассмеялся Генерал. – Сколько тебе лет, детка?

– Шестнадцать, – спиной я почувствовала, как на меня кто-то смотрит, но не обернулась. Из-за страха тело не хотело двигаться.

– Комиксов насмотрелась, – Генерал вплотную подошёл ко мне. В глазах читался гнев и злость. – Чтобы я тебя здесь больше не видел. Вообще не видел. Забудь моё имя. Забудь, что тебе говорил латинос. Иначе скормлю тебя псам! Ты поняла? – он почти кричал.

– Нет. Я хочу стать профессиональным киллером. Мне это нужно! – я почти плакала и не понимала, что говорю. Я должна была сказать, что я всё поняла. Но я этого не хотела. Я пришла сюда не для этого. Я проделала весь этот путь не для того, чтобы испугаться и спрятаться в кусты. Генерал вытащил пистолет из кобуры и направил его прямо мне в лицо. Мне уже было не страшно. Один уже пугал меня этой штуковиной сегодня. Но я до сих пор жива. Я попятилась назад: сработал инстинкт самосохранения, – споткнулась и упала прямо в лужу.

– Убирайся! Если ты ещё хоть раз попадёшься мне на глаза, клянусь всеми святыми, я прибью тебя! – он убрал пистолет, сел в автомобиль, и они уехали, оставив меня лежать посреди мокрой и грязной лужи. Дождь нещадно хлестал, и было жутко холодно. Меня трясло и колотило то ли от страха, то ли от холода. Чья-то сильная рука вытащила меня из лужи, как пушинку, и поставила на ноги. Я посмотрела на спасителя. Это был афроамериканец лет пятидесяти, с белоснежными ровными зубами. Дорогой костюм, плащ и до блеска начищенная обувь.

– Я тебя не обижу, не бойся, – он мило улыбнулся и протянул руку.

– Энни. Энни Ноэль, – рука его была сильной, тёплой и влажной от дождя.

– Роберт Финч, можно просто Боб. Пойдём, я подвезу тебя. Ты вся промокла.

Я нерешительно села на заднее сиденье его внедорожника, всё ещё опасаясь подвоха. В машине было чисто, тепло и приятно пахло.

– Куда тебя подбросить? Где ты живёшь? – Боб посмотрел в зеркало заднего вида, ловя мой взгляд.

– Я нигде не живу. Я сирота.

– Хорошо. Но где-то же ты обитала до этого?

– Под мостом.

Он остановился на светофоре и повернулся ко мне. Посмотрел мне в лицо, потом оглядел меня с ног до головы. Снял свой дорогой плащ и протянул мне.

– На, укройся, а то вся дрожишь, как суслик. Зря ты сказала имя латиносо.

– Почему? – я закутывалась в плащ, пытаюсь согреться.

– Его уже нет, – Боб тяжело вздохнул и зажмурил глаза. Потом резко открыл, и мы тронулись с места. Я же боялась пошевелиться. Я даже боялась подумать, что с ним теперь делают «псы» Генерала. Ещё одна невинная смерть по моей вине. Я закрыла глаза, по щекам потекли слёзы.

– Я не хотела. Я даже и подумать об этом не могла.

– А о чём ты вообще думала, когда шла сюда? Что Генерал Кообс примет тебя с распростёртыми объятиями? Скажет, да, конечно, деточка, присоединяйся в мою армию наёмных убийц! Ты так думала? Глупая. Скажи спасибо, что живой осталась. И как тебе в голову пришла такая идея? Неужели в шестнадцать больше не о чем подумать? Моей старшей дочери семнадцать. Так у неё голова забита парнями и платьями. У меня бы даже и в мыслях не могло уложиться, что она начнет думать о том, как ей стать профессиональным киллером. Ты просто сумасшедшая!

Он говорил, говорил, но я его уже не слышала. Я медленно погружалась в сон. Это был самый длинный и самый трудный день в моей жизни. Мне было уже всё равно, кто этот человек и что он со мной сделает. Это уже было неважно. Важно то, что мне уже было не страшно. Совершенно. Я знала, чего я хочу. Знала, что мне неинтересны темы о парнях и новых платьях. Я хотела только одного: отомстить. И неважно, что мне всего шестнадцать. Это либо есть, либо этого нет. Ты это не выбираешь. Это приходит само. Я не знала, каким образом я это сделаю. Но знала одно: я это сделаю, чего бы мне это ни стоило.

Глава 3

Нью-Йорк, 2002 год

Я невольно потянулась, но нога резко наткнулась на преграду. Я не сразу сообразила, что нахожусь в машине некоего мистера Боба, который так мило вчера меня подобрал. Что это? Жест доброй воли в защиту подростков?

В животе жутко заурчало, напоминая мне о том, что я не ела уже много времени. Я осторожно высунула голову из-под плаща. В лицо ударил яркий солнечный свет, и я вновь нырнула в своё уютное укрытие. Во рту пересохло. Голова дико гудела. А волосы свисали, как сосульки. Одежда воняла сыростью. А главное, жутко, жутко хотелось есть. Я села и огляделась по сторонам. В машине никого, кроме меня, не было. Дёрнула за ручку, но она была заперта. В окно я увидела небольшое заведение. Вокруг лес, пара машин и ни души. Отлично! Хотя бы поесть можно, уже радуется.

Дверь в забегаловку открылась, и оттуда вышел Боб с высоким мужчиной в очках и кепке. Я быстро нырнула в своё укрытие и притворилась спящей.

Мужчины приблизились к машине, было хорошо слышно, о чём они говорят.

– Может быть, ты всё-таки передумашь?

– Нет, ты прекрасно меня знаешь. Кстати, с каких это пор, Боб, ты стал помогать подросткам? – голос у мужчины был приятный, молодой, с небольшой ноткой хрипотцы.

– С тех самых пор, как подобрал одного мальчугана лет двадцать назад, – засмеялся Боб.

– Ладно, кто она?

– Понятия не имею. Приходила к Генералу с просьбой о том, что хочет стать «призраком».

– Я смотрю, подростки нынче продвинутые, – незнакомец засмеялся, а Боб откашлялся.

– Странно это, Джек. Её рюкзак набит деньгами, а она говорит, что сирота.

– Документы? – серьёзным голосом спросил незнакомец.

– Энни Ноэль, уроженка Франции, гражданство США, 27 сентября 1986 года рождения.

– Документы чистые?

– Чистые, но нигде не засвечены, такое чувство, что им пару месяцев от роду.

Мои поджилки затряслись, руки вспотели, а к щекам подступил румянец. Я пропала. Когда Боб успел взять мои документы? Когда я спала, по-видимому. Чёрт. Мне конец.

– Думаешь, подставная? – спросил незнакомец.

Я всем телом ощущала, что он через окно смотрит прямо на меня. Меня окатило жаром с ног до головы. Дверь резко открылась. Мужчина сдёрнул с меня плащ со словами:

– Хватит прятаться, ты давно уже не спишь, – его голос был спокойный, не грубый, а требовательный.

Я посмотрела на него. Я не могла его разглядеть. Он был в тёмных очках и кепке.

– Говорят, ты у нас жаждешь стать профессиональным киллером?

Я вылезла из машины, и ему пришлось отступить пару шагов. Я его не боялась. Хотя на фоне его более шести футов я смотрелась мелким тараканом со своими пятью футами и четырьмя дюймами.

– Если и так, тебе-то что? – я была груба и зла. Мне надоели все эти люди. Люди, которых я не знала, но они знали обо мне слишком много.

– И как ты себе это представляешь? – не унимался незнакомец.

Я стянула с себя капюшон. На щеках пылал румянец.

– Я заплачу. У меня есть деньги.

Он неожиданно подошёл ко мне вплотную и очень долго смотрел мне прямо в лицо. Потом резко развернул меня и втолкнул в машину. Отвернулся и снял очки. Дотронулся до переносицы и сказал через плечо Бобу:

– Есть разговор.

Он захлопнул дверь и пошагал прочь. Всё его тело было напряжено. Боб немного замешкался и пошёл за ним. Они отошли на значительное расстояние. Я не могла их слышать. Они стояли ко мне спиной. Я даже не могла понять, о чём они говорят. Я же вообще пребывала в прострации, вернее, наступил момент торможения. Как на это реагировать? Что это значит? И что мне делать?

Сейчас я не в их поле зрения, может быть, сбежать, пока не поздно. Я судорожно огляделась: вокруг лес и дорога. Вариантов, скажем так, не очень много. Забежать в кафе и попросить вызвать полицию? Нет. Глупо. Я сама не хочу попасться копам на глаза. Если уж некий Боб так легко узнал, что у меня поддельные документы, копам тем более не составит труда меня раскусить. Нет. Надо думать. Что же...

Резко хлопнула дверь, на водительском месте сидел Боб. Чёрт, я не успела. Он повернулся и улыбнулся.

– Если тебе негде жить, поживёшь у нас. Моя жена готовит отличную итальянскую пасту. Ты любишь пасту? – он приподнял бровь.

– Не знаю, – я боялась пошевелиться.

Возле нас затормозил до блеска отполированный седан. Боб открыл окно. Незнакомец из седана тоже открыл окно.

– Два дня, Боб. Через два дня встретимся на нашем месте, – незнакомец бросил на меня взгляд и умчался вверх по дороге.

– Я ничего не понимаю. Что происходит? – я начала паниковать.

– Не беспокойся, Энни, – он сделал акцент на Энни, отчего у меня пробежали мурашки. – Всё хорошо!

От его «хорошо», мне хорошо не стало. Это вообще было выше моего понимания. Кто эти люди и что им от меня нужно?

Отъехав от кафе, Боб протянул мне бумажный пакет и бутылку колы. От пакета приятно пахло картошкой и гамбургерами. Живот предательски заурчал, а рот наполнился слюной. Я жадно проглотила порцию фри и два гамбургера, как будто я не ела целую вечность. Желудок блаженно благодарил меня, а я сама погружалась в сон.

– Энни, проснись, мы приехали, – Боб осторожно потряс меня за плечо.

Я протёрла глаза и вышла из машины. Моему взору открылся чудный сад и небольшой двухэтажный дом. Я оглянулась: мы явно на Манхеттене, где-нибудь в Верхнем или Нижнем Вест-Сайде.

– Где мы?

– У меня дома, пойдём, я познакомлю тебя со своей семьёй, – Боб дружелюбно улыбнулся, взял мой рюкзак и прошагал к крыльцу. Мне ничего не оставалось, как пойти за ним. Дверь нам открыла милая и приветливая женщина, она поцеловала Боба в щёку и посмотрела на меня.

– Добрый день. Меня зовут Ребекка Финч. Мне очень приятно, что ты погостишь немного у нас, – она протянула мне руку, излучая улыбку.

– Добрый день, миссис Финч, я Энни, – я улыбнулась и пожала ей руку.

Меня проводили в комнату, как я потом поняла, старшей дочери Боба, Сандры, она мило согласилась мне уступить её на время. Вся эта ситуация показалась мне очень странной. Незнакомые люди так легко принимают у себя дома совершенно чужого человека. Что это? Скрытый мотив или злой умысел? Или это действительно добрые люди, готовые прийти на помощь кому

угодно и где угодно? Мне ничего непонятно. Я вообще не могу рационально думать. Верить никому нельзя. Никому. Даже себе.

В комнату вошла Сандра.

– Вот, держи, это чистые вещи, они, конечно, не новые, но я их надевала всего несколько раз. Ещё ночная сорочка, она новая. Щётка и полотенце. Можешь принять ванну и отдохнуть. И спускайся к ужину, – девушка улыбнулась и дотронулась до моей руки. – Чувствуй себя, как дома. Друзья Хантера – наши друзья, – она улыбнулась и ушла, закрыв за собой дверь.

Чей я друг? Тут что, дом сумасшедших? Я не знаю никакого Хантера. Пора сваливать. Я так больше не могу. Я так сама сойду с ума.

Сначала убийство родителей, потом ненормальный латинос, потом Генерал, затем «добрый Боб» с незнакомцем, и теперь эта пришибленная семейка, от которой так и прёт «добродетелью».

Бред, полный бред. Ни одна нормальная семья в жизни не примет грязную незнакомку к себе домой, и при этом с такими почестями. Да и принимая меня за друга некоего господина Хантера. Это ещё кто такой?! Всемогущий граф Дракула?! Надо срочно делать ноги. Тем более мне нужно успеть, на «свои» похороны.

Удрать из дома Финчей не составило никакого труда. Как я и думала, они жили в верхнем Вест-Сайде. На всякий случай я запомнила их адрес. На всякий случай. А то мало ли что, неизвестно, где я окажусь через час, а эти люди, хоть и вызывают подозрение, но явно дружелюбны и не размахивают оружием при каждом шорохе.

Просто самые кошмарные два дня в моей жизни. Хотя и жизнью это теперь не назовёшь. Как поступить, когда не знаешь, как поступить?! Чёрт, за что это мне? Где и в каком месте я нагрешила? Я вообще за свои шестнадцать лет никого не обидела!

Расплатившись с таксистом, я вышла из машины и направилась в сторону кладбища. Узнав у смотрителя, где сегодня проходят похороны, я направилась в указанном направлении. Спрятавшись за памятник, я стала наблюдать за тем, что происходит. Народ уже расходился. Остались лишь единицы. Это были компаньоны отца. Первой моей мыслью было подбежать к ним и рассказать все. Ведь отец накануне предупредил их, наверняка они тоже сейчас думают о том, что это было заказное убийство. Нужно что-то предпринять. Они мне помогут. Отец доверял им. В тот момент, когда я уже была готова выйти из своего укрытия, за спиной я услышала какой-то шум. Обернувшись, я никого не увидела. Только ветер играл листвою. Показалось.

«Полиции нельзя доверять. Никому нельзя доверять».

В очередной раз слова Брайана всплыли в моей памяти. Он прав, всё-таки верить никому нельзя. Даже компаньонам отца. Я их очень плохо знала. Это отец был в них уверен, но не я.

Я осталась в своём укромном месте, ожидая того момента, когда останусь одна.

Солнце нещадно пекло, несмотря на то, что был конец октября. Странная в этом году осень в Нью-Йорке. Утром – солнце, вечером – дождь.

Чтобы как-то скоротать время, я достала из рюкзака свой сотовый. Он был отключён всё это время. Да и включать его было нельзя, сразу начнут приходить смс, и я выдам себя. Пришлось разобрать его и выбросить подальше в сторону. На плеере давно сели батарейки, он полетел в том же направлении, что и сотовый. В рюкзаке была пара чистых маек, и мне жутко захотелось снять с себя грязную одежду. Хотя бы чистая майка, уже хорошо. Минут через двадцать на кладбище не было ни души, и я могла, наконец, подойти к могилам родителей.

И тут буря эмоций захлестнула меня. Держать всё в себе не было смысла, слёзы градом хлынули из глаз. Я не знаю, сколько я так просидела и прорыдала. Я была настолько опустошена, что мне было плевать сколько времени прошло и на то, что творилось вокруг меня. Я потеряла всех дорогих мне людей. У меня никого нет. И как мне жить дальше, я абсолютно

не знала. Единственное, чего я хотела, – это отомстить. Отомстить за ту боль, которую мне причинили. За те страдания, которые я испытала. За всё!

Одного я не могла придумать: как это осуществить. Бродя дальше по Нью-Йорку в грязной одежде, я быстро привлекла внимание копов. А расспрашивая у «местной братвы», как стать профессионалом, я гарантированно окажусь в мусорном баке с пулей в голове. Деньги. Мне их нужно экономить. А узнай кто, что у меня полный рюкзак баксов, меня сразу прибьют. В Нью-Йорке из-за пары сотен убивают, а тут семьдесят тысяч. В любом случае оставаться на улице нельзя. Нужно что-то делать и очень срочно.

Боб? С его причудливой семейкой? Как вариант может подойти. Но страшно. С чего такая опека? Незнакомец? Станный, очень странный незнакомец. Кто он? Внешне приличный мужчина, лет тридцати пяти. Высокий, спортивный, мускулистый, хотя трудно было разглядеть, но это видно.

Я не верю, что это происходит со мной. Господи, помоги мне! Как мне быть и как поступить? Мне всего шестнадцать, шестнадцать! Слышишь? Чёрт! Мой мозг просто взорвётся.

Не осознавая куда, я брела по сумрачному Нью-Йорку в поисках себя. В очередной раз бесцельно шла и шла. Дождь жестоко хлестал по лицу. Мои размышления нарушил шум автобуса, резко остановившегося на остановке. Он ехал в верхний Вест-Сайд. Недолго думая, я запрыгнула в него. Он привёз меня прямо к дому Финчей. Везде горел свет. Я нерешительно поднялась по ступенькам и позвонила в дверь. Сердце бешено колотилось, кости пробирали озноб, а зубы стучали.

– Проходи, – в раскрытых дверях стоял Боб. – Я ничего не хочу знать о том, кто ты и что с тобой произошло. Это не моё дело. Но я вижу, что ты запуталась. Просто доверься мне. Я не обижу тебя, постараюсь помочь, – он улыбнулся и отошёл, давая мне пройти в дом.

– Мне нужен профессионал. Это единственная проблема, которая у меня есть.

– Эта проблема, как тебе кажется, не такая уж и проблема. Проходи, не мокни под дождём.

Я нерешительно прошла, и меня тут же встретила Сандра Финч со словами:

– Моя комната всё так же в твоём распоряжении. Я ничего не трогала. Тебе нужно умыться и отдохнуть. Пойдём, – с улыбкой на лице она потянула меня в свою спальню. – Ты, наверное, голодна, пока прими душ, а я приготовлю тебе перекусить. Мы, правда, уже поужинали, но ничего, что-нибудь сейчас придумаю, – она выскочила, оставив меня одну в комнате.

Странная девушка. Может быть, у неё нет друзей и она рада общению, или, наоборот, много друзей, и она сама по себе такая дружелюбная. В мире, котором я до этого жила, никто из сверстников не уделял мне столько внимания. Я всегда была как-то в стороне. И просто начать общаться с незнакомым мне человеком так, как будто мы знакомы миллион лет, тяжело. Скорее всего, я преувеличиваю, и она вполне себе обычная девушка подросткового возраста.

Горячий душ мало-мальски привел меня в чувства. Мысли понемногу стали приходить в порядок, и я более или менее могла трезво оценить сложившуюся ситуацию.

Во-первых, я сирота. Во-вторых, у меня новое имя. В-третьих, я нахожусь у совершенно незнакомых мне людей, которые очень тепло меня встретили, приютили на какое-то время. В-четвертых, я в поисках профессионала, который смог бы меня многому научить. И наконец, в-пятых, я должна научиться всему для того, чтобы отомстить.

Ещё смутная картина, но хотя бы что-то. Так я могу хоть как-то мыслить, потому что мой мозг просто закипел от тех событий, которые со мной произошли.

Я спала как убитая всю ночь и почти целый день. Сандра пару раз забегала в комнату. От её разговоров болела голова. Но что самое интересное – никто у меня не спросил, кто я, что я, и вообще, откуда я. Ближе к вечеру миссис Финч пригласила меня на ужин, но аппетита не было, и я отказалась. Сколько я здесь пробуду, я не знаю. Финчи оказались добрыми людьми:

приютили меня и дали кров. Но злоупотреблять их гостеприимством я не могла. В голове постоянно крутились слова Боба о том, что найти профессионала – это несложно. И всё, что меня сейчас интересовало, так это подробнее расспросить Боба об этом. Его не было весь день, и на ужин он тоже не приехал. Всю ночь я металась в раздумьях, которые не давали мне уснуть. Наконец, под утро я задремала.

Около шести утра меня разбудил Боб, он велел собираться. Куда мы ехали, я понятия не имела. На мои вопросы он отвечал общими фразами, из которых я не понимала ничего конкретного.

Оставив позади туманный Нью-Йорк, мы направились в сторону кафе, у которого были два дня назад. Через час-полтора мы прибыли к назначенному месту.

– Что мы здесь делаем? – меня начали терзать сомнения. Может, меня хотят продать в рабство, например, или в качестве проститутки. Кто знает?

– Сейчас узнаешь, – Боб был напряжён.

Однозначно: меня сейчас продадут на органы! Надо бежать. И зачем я вообще поехала. Вот дура!

На парковке возле злополучного кафе стоял неброский внедорожник восьмидесятых годов. Прислонившись к передней дверке, стоял высокий мужчина в кепке и очках. В нём я узнала незнакомца, с которым мы встречались два дня назад.

«Два дня, Боб. Через два дня встретимся на нашем месте»

Точно, точно, именно так он и сказал. Два дня прошли, и вот мы здесь. Но что мы здесь делаем? И зачем здесь я?

– Выходи, – велел Боб и открыл мне дверь.

Я осторожно выбралась из машины, и мы направились к незнакомцу.

Он снял очки и протянул мне руку:

– Я тот, кого ты ищешь. Меня зовут Джек Хантер. Я профессиональный киллер.

Я посмотрела на протянутую руку. Она была сильной, загорелой. Я сняла капюшон и пожала его руку.

– Я Энни Ноэль, – поджилки тряслись. Одно дело думать о том, что хочешь найти Его, другое – стоять с ним лицом к лицу. Что ему говорить, я не знала, но говорить что-то нужно, ведь я его искала.

– Итак, Энни, насколько мне известно, ты хотела стать профессиональным киллером! Почему? Что движет тобой? – он внимательно посмотрел мне в лицо.

Сказать правду? Нельзя! Я выдам себя. Никто не должен знать, кто я на самом деле. В голове крутилось множество мыслей, но ни одна не подходила.

– Разве это важно? – голос слегка дрогнул, но я и виду не подала.

– Я должен понимать, что ты идёшь на это сама, понимая, чем это может закончиться. Кто-то причинил тебе боль, и вся твоя сущность жаждет мщения. Тобой, наверняка, движет жажда мести. С этого начинается большинство. Но все они потом оказываются на дне канавы. Я больше чем уверен, что через неделю ты сбежишь туда, откуда появилась, и забудешь всё это, как страшный сон.

– Я не сбегу. У меня есть деньги. Я могу заплатить. Только научи меня всему. Я тебя умоляю! – я готова была расплакаться.

– Я дорого стою, – он улыбнулся.

– У меня есть деньги. – Я повернулась и посмотрела на Боба. – Я слышала ваш разговор. Вы же знаете про меня всё!

Неожиданно Хантер схватил меня за локоть, от чего моё лицо исказилось от боли.

– Вот именно, что знаем, мисс Ноэль. Ты возникла из ниоткуда, с документами, которые сделали два месяца назад. Ищешь профессионала. Напрашивается вопрос, на какие спецслужбы ты работаешь?

– Я сирота, сбежала из приюта, – я сочиняла на ходу. – Я ни на кого не работаю! – крикнула я и резко выдернула руку. – Не нужно меня запугивать! Я ничего не боюсь! Мне уже ничего не страшно! Единственное, что мне нужно, так это стать такой, как ты. И всё! Это то, что мне нужно!

– Энни, зачем? Тебе всего шестнадцать, ты вообще отдаешь себе отчет, на что ты идёшь? – Боб смотрел на меня вопросительно, качая головой. – Тебе нужно жить нормальной жизнью, подальше от всего этого. Ты совсем ребёнок, ты многого не понимаешь.

– Единственное, что я понимаю, так это то, что весь смысл моей жизни именно в этом, Боб! Меня ничего больше не интересует. Я не хочу жить нормальной жизнью!

Оба мужчины смотрели в сторону, каждый думал о своём. Вся эта ситуация, в принципе, была ненормальной. Как может адекватный подросток захотеть убивать? Тут явно отклонения в психике. Именно так они обо мне и думали. Но я-то знаю, в чём правда, я не могла объяснить, зачем мне это нужно. Но мне это нужно.

– Если ты не возьмёшь меня, я всё равно не остановлюсь на этом. Есть другие, которые захотят заработать.

– Да-да, припоминаю твою попытку попасть к Генералу. Если ты ещё раз к нему наведаешься, тебя просто убьют, – Боб приподнял левую бровь и нахмурился. – Если ты сбежала из приюта, то тогда тебя наверняка уже ищут!

– Нет. Меня никто не ищет. Мои родители погибли в автокатастрофе, а я выжила, меня определили в приют, и пришлось сделать новые документы, так как старые пропали, – я стала придумывать на ходу, главное, чтобы они мне поверили. – У меня нет родственников. Меня никто не будет искать. Они и рады, наверное, что я сбежала.

Мужчины переглянулись и, как мне показалось, сделали вид, что поверили мне.

– Лучше тебе вернуться, Энни, и забыть об этой безумной затее. Это не нужно тебе, ты ещё совсем глупый ребенок, пойми, то, о чём ты просишь, это не сладкая жизнь! Ты хоть представляешь, что киллеры убивают людей? Так что выбрось это из головы и возвращайся туда, откуда ты появилась, – Боб развернулся и направился к машине.

– Я предлагаю только раз. Если ты сейчас едешь со мной и не сбежишь от меня через неделю, то я дам тебе всё то, что ты хочешь. Но это будет не просто. Ты должна понимать, что просто так профессионалом никто не становится. Это долгий и кропотливый труд. Это муки ада, которые никогда и никому не пожелаешь пройти, – Хантер посмотрел на меня, его лицо не выражало никаких эмоций. Абсолютно. Он был спокоен.

– Джек, ты сошёл с ума! Мы же хотели вправить ей мозги, а не учить быть киллером! – Боб резко развернулся и посмотрел сначала на Хантера, потом на меня. Я же тряслась как банный лист, сердце бешено колотилось. – Она сбежит через неделю. Я уверен.

Хантер пожал плечам.

– Я не сбегу! Я хочу этого. Боб, это то, что я искала. Спасибо за все, прощай. – Я обошла машину Хантера и села на пассажирское сиденье. Я дрожала, меня бросало то в жар, то в холод. Я не понимала, что я делаю и что говорю. Хантер улыбнулся, махнул Бобу и сел за руль.

– Мой мир – это мир жестокости, смерти, больших денег и одиночества. Ты уверена, что хочешь такой жизни? – он вопросительно посмотрел на меня.

– Да.

– Тогда пристегнись: нас ждёт длинный путь.

– Хорошо. Куда мы едем? – спросила я, пристегиваясь.

– В Северную Каролину, куда-нибудь на юг штата, в небольшой городок.

– Как давно ты этим занимаешься?

– Первое убийство я совершил в пятнадцать лет, сейчас мне тридцать пять. Считаю! – он улыбнулся, оголив свои ровные белоснежные зубы.

– Двадцать лет! Тебе это нравится? – меня немного подташнивало.

Он посмотрел на меня и ничего не ответил. Надел очки, завел мотор, и мы тронулись с места, оставив позади Боба и мою прошлую жизнь.

Глава 4

Ньюпорт, Северная Каролина, 2002 год

Небольшой городок на юге штата Северная Каролина под названием Ньюпорт стал моим новым домом. Город был тихий, спокойный, с населением около четырёх тысяч человек. Люди приветливые, дружелюбные, в основном население среднего возраста, молодёжи мало.

Почему Хантер выбрал именно этот город, я не знала. И почему он согласился взять меня собой, я тоже не знала. Мне было ясно одно: он пытается сбежать, сбежать от самого себя. От проблем, о которых я понятия не имела. Да мне это было и неважно.

Мы поселились на окраине города, возле заповедника Кротан, в небольшом двухэтажном коттедже. Дом был обыкновенный: без пафоса и без всего лишнего. Пришлось даже докупать кое-какую мебель, но, в целом, в доме было неплохо. Две спальни наверху, а на первом этаже кухня и гостиная. Большой гараж и огромный подвал. Я думаю, что именно из-за подвала Хантер и снял этот дом.

Мы живем в Ньюпорте уже две недели. Для всех наша легенда гласила, что Джек приходится мне дядей, и так как у меня нет близких родственников, кроме него, то ему ничего не остаётся, как взять меня под свою опеку. По легенде Джек – инженер-архитектор, работающий на дому. Хотя Ньюпорт и маленький городок, но любопытных зевак и здесь хватает, поэтому мы придерживаемся этой легенды.

В первые же дни Хантер заставил меня пойти в школу, хотя я не понимаю, зачем. Ведь мне нужно будет убивать, а не задачи решать. Наши мнения не совпадали, и потому после часовой лекции о том, что я должна уметь не только стрелять, но и писать, и читать, и математические ребусы решать, я сдалась и согласилась пойти в школу. Каждое утро школьные автобусы собирали всех детей и отвозили на занятия, а после обеда привозили. Дорога была близкая, примерно, минут двадцать езды. Мой автобус всегда был полный. Я старалась не обращать на школьников внимания и всегда держалась в стороне.

И вот я сижу в обычной школе с обычными учениками на уроке ненавистной мне математики. Ученики без лицемерия, без фальши. В таких школах, если ты новичок, то ты новичок, и отношение к тебе соответственное: ты как на выставке, каждый пытается тебя рассмотреть, изучить, прощупать. Если тебя возненавидят, то это будет честно и откровенно. А если полюбят, то полюбят от всей души. Клеймо новичок так и останется с тобой до окончания школы, и ты от этого никуда не денешься. Кто-то пытается с тобой сдружиться, кто-то, наоборот, зачислить тебя в отбросы общества. Девушки покрасивее видели во мне друга, так как моя внешность, явно проигрывая, подчеркивала их красоту, а пострашнее – таких, наверное, и не было: у всех, вероятно, прошёл период полового созревания и буйства гормонов. У меня же, наоборот, всё было в самом разгаре. Это обстоятельство явно мешало мне жить, но я старалась не заикливаться на этом и перестала даже пользоваться косметикой. Это было ни к чему. Меня интересовало нечто иное.

Уроки в школе отнимали большую часть дня. И всё потому, что я взяла дополнительные занятия по иностранным языкам. Это было одно из условий Хантера. Я должна знать много языков. К своим 16 годам я уже неплохо владела французским, немецким и итальянским, учила их с первых классов, теперь к этим языкам добавила арабский и испанский.

Первый месяц в Ньюпорте пролетел незаметно. С Хантером мы практически не разговаривали. Единственное, что он делал вместе со мной, так это бегал утром и вечером. Это и была вся наша тренировка на данный момент. Я же пока присматривалась к нему и не могла понять, что он за человек.

Это был симпатичный мужчина. Высокий, стройный, спортивный. Слегка смуглая кожа, чёрные, очень коротко стриженные волосы и ярко зелёные глаза. Любая другая девчонка в шестнадцать лет, живя под одной крышей с таким мужчиной, давно потеряла бы голову и влюбилась, но не я. Это сейчас меня волновало меньше всего. Но это очень волновало миссис Картер, живущую с нами по соседству. Эта женщина не давала Хантеру прохода.

Миловидная, симпатичная вдова, воспитывающая троих детей, сразу смекнула, что Хантер для неё самая подходящая партия.

Отвратительная, мерзкая, стервозная сучка (и дети у неё такие же мерзкие). Почему-то она мне сразу не понравилась. Распустила слюни, как бульдог. Слава богу, Хантеру она тоже не понравилась, и он деликатно ей намекнул, что не нужно караулить его каждый день на улице в ожидании чуда. Чуда не будет.

Перестав замечать эту мерзкую сучку, я углубилась в учебу. Дни летели со скоростью света. По утрам я бегала, днём училась, вечером очередная пробежка – вот и весь распорядок дня. Плюс питание: белки, углеводы, минимум жиров и холестерина, максимум витаминов. Хантер же пропадал всё время в подвале.

Вообще, если посмотреть со стороны, наша жизнь с Хантером казалась странной. Мы совершенно ничего не знали друг о друге. И он не стремился узнать меня. Чего не скажу о себе. Мне было интересно узнать о нём всё! И через два месяца совместного проживания я не выдержала. Мне надоело его молчание в ответ на мои вопросы. Мне надоели пустые тренировки, включающие в себя только бег по утрам, подтягивания и отжимания и ничего серьёзного, настоящего. Больше мы ничего не делали. Абсолютно ничего.

Я сидела в своей комнате и пыталась найти ответ на один и тот же вопрос, который не давал мне покоя уже несколько дней: «Что я здесь делаю?» Меня окончательно достала его молчаливость и безучастность в моём развитии, и я решила взять «быка за рога».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.